

Часть цикла интригующих повестей прославленного А. Дюма о знаменитых преступниках и самых громких преступлениях, от эпохи Возрождения до XIX века. Среди преступников — маршалы, герцоги, короли, вошедшие в историю со своими кровавыми злодеяниями и жестокими расправами. Увлекательные рассказы о хладнокровных и циничных преступлениях и о тех, кто их совершил, забыв о чести и морали

У этих двоих были свои причины для совершения убийства: у одного — любовь, у другого — ненависть. Марицо находился в услужении у Джакомо и неоднократно имел возможность видеть Беатриче. Он влюбился в нее, ни на что не надеясь, однако и будучи безмолвным, это чувство пожирало его душу. Узнав, что преступление, которое ему предлагают совершить, приблизит его к Беатриче, он согласился без раздумий.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4720-8

9 786171 247208

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ВЕЛИКИЕ СЫЩИКИ И ВЕЛИКИЕ МОШЕННИКИ

АЛЕКСАНДР
ДЮМА

ИСТОРИЯ
ЗНАМЕНИТЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ВЕЛИКИЕ СЫЩИКИ
И ВЕЛИКИЕ МОШЕННИКИ

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

СБОРНИК

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
Д96

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Перевод с французского *Наталии Чистюхиной*

Предисловие *Андрея Климова*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-2533-6 (серия)
ISBN 978-617-12-4720-8

- © Shutterstock.com / Creative-HQ, Sibrikov Valery, Stocksnapper, LiliGraphie, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Время страстей

Александра Дюма (1802—1870) недаром называют королем историко-приключенческого романа — и в наши дни он остается одним из самых читаемых авторов в мире. О чем бы ни писал прославленный француз — о мушкетерах, о короле Генрихе Наваррском, о Французской революции или о Средневековье — книги его с первых же страниц захватывают и увлекают читателя. Персонажи их яркие и многоликие, действие развивается стремительно и причудливо, а стремление к свободе и утверждению человеческого достоинства неизменно торжествует над низменными побуждениями и происками врагов правды и добра.

В юности Дюма не получил практически никакого образования, и тем не менее уже в 20 лет с двумя луидорами в кармане отправился «завоевывать» Париж. Юноша мечтал стать драматургом. Для этого ему пришлось заняться самообразованием: один из друзей составил для него список книг, которые следовало непременно прочитать. Дюма часто посещал театры, изучая законы сценического действия, и в конце концов вместе с приятелем сочинил водевиль «Охота и любовь», который был принят к постановке. Молодой драматург вошел в круг литераторов романтического направления.

В 1830 г. во Франции произошла Июльская революция. Король Карл X был свергнут, а на престол взошел герцог Орлеанский, принявший имя Луи-Филипп. Дюма был в рядах повстанцев, штурмовавших королевский дворец Тюильри, он также выполнил ряд важных поручений генерала Лафайета, возглавлявшего национальную гвардию. А в 1832 г. Дюма пришлось бежать в Швейцарию, так как ему угрожали арест и суд. В Швейцарии были написаны новые драмы — «Наполеон Бонапарт, или Тридцать лет истории Франции» (1831), «Нельская башня» (1832), «Кин» (1836), которые принесли писателю широкую известность на родине.

Тем временем у Дюма родился грандиозный замысел: воскресить историю Франции в обширной серии романов. Первый из них — «Шевалье д'Арманталь» — был написан в соавторстве с Огюстом Маке и печатался из номера в номер в одной из парижских газет. Но вскоре Дюма наткнулся в лавке у букиниста на поддельные мемуары капитана-лейтенанта королевских мушкетеров, дворянина из Гаскони д'Артаньяна, служившего при дворе во второй половине XVII в. Авантюрист-мушкетер превратился в легендарного героя.

Роман «Три мушкетера» (1844) стал «супербестселлером» своего времени. Тогда даже ходила шутка: если и живет на каком-нибудь необитаемом острове Робинзон Крузо, то он наверняка читает исключительно «Трех мушкетеров». Вскоре на читателей обрушилась настоящая «литературная лавина»: с 1845 по 1855 гг. Дюма публиковал по 7—8 томов в год. За «Тремя мушкетерами» последовали «Двадцать лет спустя» (1845) и «Виконт де Бражелон» (1848—1850), «Королева Марго» (1845), «Графиня де Монсоро» (1846) и «Сорок пять» (1847—1848), затем — серия книг, описывавших закат

французской монархии. А «Граф Монте-Кристо» (1845—1846), приключенческий роман из современной жизни, принес Дюма небывалую славу и крупное состояние.

Историки литературы утверждают, что из-под пера Дюма вышло в общей сложности около шестисот томов. Цифра невероятная, иному человеку даже за всю жизнь не прочитать столько книг. Все это многообразное и неравноценное литературное наследие было создано человеком, который не получил никакого систематического образования, зато обладал невероятным творческим потенциалом, жизнелюбием, пламенным воображением и способностью «оживлять» написанное на бумаге.

Говорят, что, достигнув пика популярности, Дюма обзавелся множеством помощников. Сегодня их имена известны: среди литературных сотрудников Дюма были маркиз де Шервиль, Бенедикт Ревуаль, Огюст Маке и Ипполит Оже. Все эти люди были литераторами средней руки, а их довольно бесцветные писания приобретали живость и блеск лишь после того, как проходили через руки мэтра. И это лишь подтверждает, насколько могуч был талант прославленного француза.

В промежутках между большими романами Дюма создал ряд повестей и новелл, героями которых стали полуполюгендарные личности Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени. «История знаменитых преступлений» — обширный цикл, созданный писателем между 1839 и 1856 годами. В данное издание вошли три повести этого цикла. Каждая из повестей — это полновесная жестокая драма, полная страстей, интриг, тайных умыслов и хладнокровных убийств. Изощренная жестокость позднего Средневековья, борьба за власть,

инцест, гнетущий разврат и месть в атмосфере итальянского Ренессанса и, наконец, история немецкого студента-романтика, чей кинжал, ставший символом борьбы за гражданские свободы, когда-то воспел Александр Пушкин...

Разумеется, современные исследователи по-иному смотрят на многие события и обстоятельства, описанные Дюма в этих повестях. Хорошо известно, что он вольно обращался с историческими фактами, а недруги постоянно обвиняли писателя в том, что он слишком «легковесен». Но не в том состояла его цель. Задача Дюма — обнажить и предъявить читателю архитектуру человеческой души и непреодолимую силу страстей и обстоятельств, толкающих героя к преступлению. И это ему удается практически всегда. Свидетельством тому — неувядающая слава Александра Дюма.

А. Климов

Иоанна Неаполитанская

1343—1382

В ночь на 16 января 1343 года мирный сон неаполитанцев был внезапно нарушен колокольным звоном всех трех сотен церквей этой благословенной столицы. Посреди всеобщей растерянности, причиненной столь внезапным пробуждением, легко было вообразить, что Неаполь с четырех концов охвачен огнем или что вражеская армия, таинственным образом высадившаяся на берег под покровом ночи, намеревается вырезать всех его жителей до единого. Однако очень скоро стало известно, что этот скорбный, повторяющийся через равные промежутки времени перезвон призывает верующих помолиться за умирающего и городу ничто не угрожает — в опасности один лишь король.

Уже не первый день в замке Кастель-Нуово царил сильное беспокойство: высочайшие сановники королевства дважды в день собирались на совет, а вельможи, наделенные привилегией посещать монаршие покои, выходили оттуда обремененные глубочайшей грустью. Смерть короля — неизбежное зло, однако, когда не осталось сомнений в том, что он умирает, неаполитанцы испытали искреннее огорчение, которое читателю будет легче понять, если мы добавим, что тот, кому вот-вот предстояло отойти в мир иной после тридцати трех

лет и неполных девяти месяцев правления, был Роберт Анжуйский — самый справедливый, мудрейший и славнейший монарх из всех когда-либо занимавших трон Сицилии. С собой в могилу он уносил сожаления и похвалы всех своих подданных.

Солдаты с воодушевлением вспоминали продолжительные войны, которые он вел против Федерико и Педро Арагонских, Генриха VII и Людвига VI Баварского, и сердца их стучали в унисон при воспоминании о славных походах в Ломбардию и Тоскану; духовенство превозносило короля Роберта в благодарность за то, что он неизменно защищал Святой престол от атак гибеллинов, и за все те монастыри, больницы и церкви, которые он основал в своем королевстве; мужи науки считали его самым просвещенным королем христианского мира, и только лишь из его рук Петрарка пожелал принять лавровый венок поэта, а потом три дня отвечал на вопросы касаясь всех отраслей знаний, которыми король Роберт его удостоил; правоведы, восхищенные мудростью законов, которыми благодаря его величеству обогатилось неаполитанское законодательство, нарекли его Соломоном своего времени; аристократия радовалась всем тем мерам, что были им предприняты ради сохранения ее привилегий; простой люд прославлял его великодушие, набожность и доброту. И все они — священники и солдаты, ученые и поэты, вельможи и плебеи — с ужасом думали о том, что бразды правления теперь перейдут в руки чужестранца и юной девушки, и вспоминали слова Роберта, который, следуя за гробом своего единственного сына Карла, на пороге церкви обернулся к баронам королевства и в слезах воскликнул:

— Сегодня корона упала с моей головы! Горе мне! Горе вам!

И пока колокола звонили по умирающему королю, все умы были заняты этим пророчеством. Женщины истово молились, мужчины со всех концов города сходились к монаршему дворцу за самыми последними и достоверными новостями. Однако после недолгого ожидания, едва успев поделиться друг с другом своими печальными размышлениями, они были вынуждены разойтись — что в эти минуты происходило в лоне королевской семьи, так и осталось тайной за семью печатями. Замок погружен был в полнейшую темноту, мост, как обычно, поднят, и все стражники находились на посту.

Однако, если читателю любопытно узнать, как прошли последние минуты жизни этого короля, приходившегося племянником Людовику Святому и внуком Карлу I Анжуйскому, мы можем ввести его в покои умирающего. Подвешенная к потолку алебастровая лампа освещает просторную и угрюмую комнату со стенами, обтянутыми черным бархатом с вышитыми на нем золотыми геральдическими лилиями... У стены, которая смотрит на две двери, ведущие в другие комнаты и в данный момент закрытые, под парчовым балдахином стоит кровать из эбенового дерева с четырьмя витыми, выточенными в виде символических фигур столбиками. Король, изнуренный жестоким приступом, без чувств упал на руки неотлучно находящимся при нем исповеднику и лекарю, которые, стоя по разные стороны кровати, держат его за запястья и, обмениваясь понимающими взглядами, с тревогой подсчитывают пульс. У изножья кровати, соединив руки в молитвенном жесте и воздев очи горе с выражением скорбного смирения, замерла женщина лет пятидесяти. Это королева. В глазах ее нет слез, а впалые щеки приобрели желтоватый восковой оттенок, какой мы видим у святых, чьи останки

чудом остаются нетленными. Под внешним ее спокойствием сложно угадать страдания, которые возвышают душу, истерзанную болью и укрощенную религией. На протяжении часа никто и шорохом не нарушил глубокой тишины, повисшей над ложем умирающего. Наконец король едва заметно вздрогнул, открыл глаза и попытался поднять голову. Улыбкой поблагодарив лекаря со священником, бросившихся поправлять подушки, он попросил королеву приблизиться и взволнованным голосом сказал, что хотел бы ненадолго остаться с ней наедине. Лекарь и исповедник с низким поклоном удалились, и король провожал их взглядом, пока за ними не закрылась одна из двух дверей. Тогда он провел рукой по лбу, словно желая прогнать слишком навязчивую мысль, и, собрав последние силы, произнес такие слова:

— То, что я хочу вам сказать, сеньора, не предназначено для ушей достопочтенных господ, только что покинувших эту опочивальню; их труды окончены. Один из них сделал для моего тела все, что человеческое знание ему подсказывало, но не получил иных результатов, а только продлил еще ненадолго мои мучения; другой освободил мою душу от всех грехов и пообещал прощение Всевышнего, не сумев при этом избавить меня от зловещих видений, встающих перед моим взором в этот роковой час. Дважды вы видели, как я содрогался под гнетом нечеловеческой боли. Лоб мой был весь в поту, руки и ноги одеревенели, рот словно бы зажала чья-то железная рука... Не злой ли это дух, которому Господь наш позволил испытать меня? Не угрызения ли совести, принявшие вид призрака? Как бы то ни было, две битвы, которые я выдержал, настолько подорвали мои силы, что в третьей мне не устоять. Слушайте же меня, моя Санча!

Я хочу оставить вам кое-какие распоряжения, от исполнения которых, возможно, будет зависеть вечный покой моей души.

— Мой господин и повелитель, — заговорила королева голосом, исполненным нежнейшей покорности, — приказывайте, я внимательно слушаю. И если Господь, чьи глубочайшие помыслы от нас сокрыты, пожелает призвать вас в горний мир, а нас повергнуть в скорбь, ваша последняя воля будет исполнена на земле со всем возможным тщанием. Но позвольте мне, — продолжала она со всей заботой и искренней верой в могущество высших сил, — позвольте окропить святой водой эту комнату, чтобы изгнать из нее зло, а после я прочитаю отрывок из молебна, сложенного вами в честь вашего святого брата, моля его о покровительстве, когда мы так отчаянно в нем нуждаемся!

И, открыв книгу в богатом переплете, она с самым искренним благоговением прочла несколько строф молитвы, написанной Робертом на изящной латыни для брата Людовика, епископа Тулузы, — той самой, которую читали в церквях вплоть до Тридентского собора.

Убаюканный благозвучием стихов, им же сложенных, король едва не забыл о предмете разговора, которого просил с такой величавой настойчивостью. Предавшись безотчетной грусти, он глухо прошептал:

— О да, правда ваша! Помолитесь за меня, сеньора, ведь вы — святая, а я — всего лишь бедный грешник!

— Не говорите так, ваше величество, — перебила его донна Санча. — Вы — величайший из монархов, самый мудрый и самый справедливый из тех, кто когда-либо восходил на трон Неаполитанского королевства!

— Но трон этот узурпирован, — хмуро продолжал Роберт. — Как вам известно, королевство это предназначалось Карлу Мартеллу, моему старшему брату, но, раз уж при посредстве матери он стал королем Венгрии, неаполитанская корона должна была отойти к его старшему сыну Кароберу, а не ко мне, поскольку я третий сын в семье. И я позволил короновать себя вместо своего племянника, единственного законного короля, оттеснив от престола старшую ветвь династии, и в течение тридцати трех лет подавлял в себе укоры совести. Я выигрывал сражения, писал законы, закладывал церкви — все это правда; но одно-единственное слово опровергает все пышные титулы, которыми восхищенный народ окружил мое имя, и слово это звучит в моей душе громче, нежели все льстивые речи придворных, все песни поэтов и все овации толпы, — я узурпатор!

— Вы несправедливы к себе, государь. Если вы и приняли корону в ущемление прав законного наследника, то только потому, что хотели спасти людей от величайших несчастий! Более того, — продолжала королева с глубокой убежденностью в том, что доводы ее неопровержимы, — вы вззошли на престол с согласия и позволения Папы Римского, который волен распоряжаться им как принадлежащим Церкви феодалом.

— Долго я утешал себя этими резонами, — сказал умирающий, — и мое уважение к Святому престолу вынуждало мою совесть молчать; но, сколь бы человек ни притворялся уверенным в собственной правоте, приходит торжественный и ужасный час, когда все иллюзии развеиваются; и для меня этот час настал: скоро я предстану перед Всевышним, нашим единственным непогрешимым судьей.

— Справедливость его непогрешима, но разве не бесконечно его милосердие? — отвечала королева с благочестивым воодушевлением. — Даже если бы страхи, тревожащие вашу душу, имели обоснование, разве есть на свете грех, который столь благородное раскаяние не способно искупить? И разве не загладили вы свою вину перед вашим племянником Каробером, если даже и были виноваты, призвав в свое королевство его младшего сына Андрея и выдав за него замуж Иоанну, старшую дочь вашего несчастного Карла? Не они ли унаследуют вашу корону?

— Увы! — Роберт глубоко вздохнул. — Быть может, Господь накажет меня за то, что я слишком поздно задумался о восстановлении справедливости. О моя великодушная и добрая Санча, вы задели болезненную струну моей души и, сами того не чая, подвели меня к грустному признанию, которое я хотел вам сделать. У меня ужасное предчувствие — из тех, нашептанных нам смертью, что оказываются пророческими, — у меня предчувствие, что оба сына моего племянника — Людовик, унаследовавший от отца венгерскую корону, и Андрей, которого я хочу сделать королем Неаполя, — привнесут в мою семью большие несчастья. С тех пор как Андрей переступил порог этого замка, неведомый рок преследует меня, мешая исполнению всех моих планов. Я надеялся, что, если дети, Иоанна и Андрей, вырастут вместе, между ними завяжется нежная дружба и красота нашего неба, кротость наших нравов и утонченность придворной жизни в конце концов смягчат грубоватый нрав молодого венгра. Но, несмотря на мои усилия, все это только поспособствовало охлаждению отношений между молодыми супругами. Иоанне едва исполнилось пятнадцать, но она развита не по годам. Моя внучка

очень умна и сметлива, у нее возвышенные принципы и живое, пылкое воображение; то свободная и радостная, как дитя, то величавая и гордая, как королева, доверчивая и наивная, как все девушки, страстная и чувственная, как взрослая женщина, она составляет Андрею разительный контраст, а он, живя уже десять лет при нашем дворе, стал еще более нелюдимым, хмурым и неуступчивым, чем раньше. Его холодные правильные черты, эта внешняя невозмутимость, это отвращение ко всем удовольствиям, которые предпочитает супруга, воздвигли между ним и Иоанной стену безразличия и неприязни. На нежнейшие излияния чувств он отвечает сурово и кратко, пренебрежительно усмехается либо хмурится и выглядит счастливым, лишь когда, под предлогом охоты, уезжает подальше от королевского двора. И эта молодая чета, сеньора, вскорости взойдет на мой престол и с этого момента попадет под власть всех страстей, глухо рокочущих под покровом обманчивого спокойствия и ожидающих своего часа, чтобы выплеснуться наружу, — часа, когда я испущу последний вздох!

— Господи! Господи! — твердила удрученная королева. Руки ее бессильно опустились, придавая ей сходство со скорбной кладбищенской статуей, вечно оплакивающей умершего.

— Выслушайте меня, донна Санча! Знаю, сердце ваше никогда не привязано было к благам этого суетного мира и вы ждете, когда Господь призовет меня к себе, чтобы удалиться в монастырь Санта Мария делла Кроче, основанный вами в надежде окончить там свои дни. Будучи сам на пороге смерти, я настолько убежден в тщетности земного величия, что не стану и пытаться отвратить вас от этого возвышенного намерения. Прошу лишь, чтобы прежде, чем стать Христовой невестой, вы даровали мне год вдовства. Носите по мне траур

и приглядывайте за Иоанной и ее мужем, дабы отвести от них все опасности, им грозящие. Уже сейчас вдова великого сене-шалья и ее сын взяли над нашей внучкой слишком много власти. Помните об этом, сеньора, и среди всех корыстных интересов, интриг и соблазнов, которые вскоре окружают юную королеву, более всего опасайтесь нежности Бертрана д'Артуа, красоты Людовика Тарентского и честолюбия Карла Дураццо.

Король умолк, ибо разговор этот стоил ему больших усилий, а потом обратился к жене умоляющий взгляд, протянул исхудалую руку и едва слышным голосом добавил:

— Умоляю вас снова и снова — останьтесь при дворе еще на год! Ваше величество, вы обещаете?

— Обещаю, мой государь.

— А теперь, — продолжал Роберт, чье лицо просветлело при этих словах, — прикажите вернуться исповеднику и лекарю и соберите все мое семейство. Времени осталось мало, и скоро у меня уже не останется сил объявить им свою последнюю волю.

Вскороги священник с лекарем, обливаясь слезами, вошли в опочивальню. Король со всей сердечностью поблагодарил их за усердие, с каким они пользовали его во время этой последней болезни, и попросил помочь ему переодеться в грубое одеяние монаха-францисканца, «чтобы Господь увидел, что умер я в бедности, смирении и покаянии, и по доброте своей скорее даровал мне прощение». Исповедник с лекарем надели на его босые ноги сандалии, какие носят монахи нищенствующего ордена, облачили его в сутану святого Франциска и подвязали веревкой. И теперь, вытянувшись на постели, с челом, обрамленным поредевшими волосами, длинной белой бородой и со скрещенными на груди руками, неаполитанский

король похож был на отшельника преклонных лет, истощившего силы свои на умерщвление плоти, чья душа, поглощенная созерцанием небесных сфер, незаметно для себя переходит от своего последнего экстаза к вечному блаженству. Так он лежал некоторое время с закрытыми глазами, беззвучно читая молитву; потом приказал осветить просторную комнату, как это приличествовало торжеству момента, и подал знак доктору со священником, один из которых стоял у него в головах, а другой — у изножья кровати. В тот же миг обе двустворчатые двери распахнулись, и в опочивальню, вслед за королевой, вошли члены монаршей семьи и самые знатные бароны королевства. Они молча окружили ложе умирающего, чтобы услышать его последнюю волю.

Взгляд короля задержался на Иоанне, стоявшей первой по правую руку от него с выражением неизъяснимой нежности и скорби на лице. Девушка была необычайно, ошеломляюще красива, и дед ее, завороженный этим ослепительным видением, готов был поверить, что это ангел небесный, посланный Господом утешить его в смертный час. Идеальной мягкости профиль, большие черные глаза с поволокой, высокий чистый лоб, блестящие волосы цвета воронова крыла, деликатный рот... Одним словом, прелестные черты ее любому казались исполненными глубокой грусти и нежности и навсегда оставались запечатленными в его сердце. Высокая, стройная, со станом чуть менее хрупким и угловатым, чем это обычно бывает у юных девушек, она, тем не менее, сохранила девичью же плавную небрежность движений, которая придает фигуре сходство с покачивающимся на ветру цветочным стебельком. Однако уже сейчас под улыбочивой и наивной прелестью в наследнице Роберта угадывались железная воля

и решимость в преодолении препятствий, а темные круги под прекрасными ее глазами говорили о том, что ее душа прежде времени познала разрушительное влияние страстей.

Рядом с Иоанной стояла ее младшая сестра Мария, которой шел тринадцатый год. Она была второй дочкой Карла, герцога Калабрийского, не дожившего до ее рождения, и Марии де Валуа, также умершей, когда малышка еще была в колыбели. Очень миловидная и робкая, девочка совершенно растерялась в обществе столь важных особ и потихоньку прижималась к вдове великого сенешаля, донне Филиппе, по прозванию Катанийка¹, воспитательнице обеих принцесс, почитавших ее как собственную мать. За спиной у принцесс, рядом с матерью, стоял сын покойного великого сенешаля Роберт Кабанский, молодой мужчина с горделивой статью. Одной рукой он поглаживал тонкие усики и время от времени бросал беззастенчиво дерзостные взгляды на Иоанну. Замыкали группу донна Канция, молодая камеристка² принцесс, и граф Терлицци, обменивавшийся с этой последней то быстрым взглядом, то едва сдерживаемой улыбкой.

Вторую группу составляли молодой принц Андрей, супруг Иоанны, и брат Роберт, его наставник, последовавший за своим воспитанником в Неаполь из Буды и ни на мгновение его не покидавший. Андрею на тот момент шел восемнадцатый год. Черты у молодого принца были очень правильные, и благородная красота этого лица, обрамленного прекрасными

¹ Т. е. жительница города Катания, что на Сицилии. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Здесь в значении «старшая придворная дама испанской или португальской королевы».

белокурыми волосами, поражала воображение. Однако стоило принцу оказаться в окружении итальянцев с их оживленными, обаятельными физиономиями, как весь облик его терял выразительность, глаза казались потухшими, а в лице проявлялось нечто суровое, леденящее кровь, и каждый понимал, что перед ним — человек нелюдимый и чужеземец. Что до его наставника, великий Петрарка позаботился оставить нам его портрет: красное лицо, рыжие волосы и борода, невысокого роста, сутулый; надменный при всем своем убожестве, способный на любую мерзость, он, подобно Диогену, скрывал под сутаной свои нескладные, безобразные тела.

В третьей группе находились Катерина, вдова Филиппа, князя Тарентского и брата короля, которую при неаполитанском королевском дворе все именовали по титулу императрицы Константинопольской, унаследованному ею от деда, Балдуина II де Куртене. Человеку, способному заглянуть в потаенные глубины человеческой души, с первого взгляда стало бы ясно, что за мертвенной бледностью лица этой женщины таится неумолимая ненависть, злобная зависть и ненасытное тщеславие. Рядом с нею были три ее сына: Роберт, Филипп и самый младший, Людовик. Если бы король захотел выбрать из числа своих племянников самого красивого, щедро и храброго, корону, бесспорно, получил бы Людовик Тарентский. В свои двадцать три в ратном мастерстве он превзошел славнейших рыцарей своего времени; прямодушный, верный своему слову, отважный, для него замыслить план означало тотчас же приступить к его исполнению. Чело его сияло тем ясным светом, каким высшие силы отмечают лишь немногих избранных: то было сияние удачи; одним взглядом своих черных бархатных глаз он подчинял души, так что никто

не мог ему противиться, а ласковая улыбка его утешала побежденных в их несчастьях. Баловню судьбы, ему достаточно было только захотеть, и какая-то неведомая сила, какая-то добрая фея, баюкавшая его еще в колыбели, тотчас же снимала все препоны и исполняла все его желания.

В паре шагов от Людовика, в четвертой группе, хмурил брови его кузен Карл, герцог Дураццо. Мать его, Агнесса, вдова еще одного брата короля, Иоанна, герцога Дураццо и Албании, взирала на него с опасением и инстинктивно прижимала к груди двух младших сыновей: Людовика, графа Гравины, и Роберта, князя Ахейского. Карл, бледнолицый, с коротко остриженными волосами и густой бородкой, недоверчиво поглядывал то на умирающего дядюшку, то на принцессу Иоанну, то на маленькую Марию, то на своих кузенов. Он явно думал о чем-то своем и был настолько взбудоражен, что с трудом стоял на месте. Его лихорадочное возбуждение и тревога составляли яркий контраст со спокойствием Бертрана д'Артуа, стоящего тут же с мечтательным выражением на лице. Своего отца Карла он пропустил вперед, приблизившись таким образом к королеве, которая так и осталась стоять в изножье кровати, и оказался прямо напротив Иоанны. Он не сводил с нее восхищенных глаз, как если бы в комнате кроме них двоих никого и не было.

Как только Иоанна, Андрей, князь Тарентский, герцог Дураццо, графы д'Артуа и королева Санча заняли свои места у постели умирающего, разместившись полукругом в порядке, который мы только что описали, королевский вице-канцлер пробрался через ряды баронов, столпившихся, как того и требовал церемониал, позади особ королевской крови, поклонился королю, развернул пергамент, скрепленный

королевской печатью, и торжественным голосом, в полнейшей тишине, начал читать:

«Роберт, Божьей милостью король Иерусалима и Сицилии, граф прованса, Форкалькье и Пьемонта, викарий святой Римской церкви, нарекает и объявляет своей полноправной наследницей в королевстве Сицилия, до маяка и за маяком¹, и в графствах Прованс, Форкалькье и Пьемонт, а также во всех прочих своих землях Иоанну, герцогиню Калабрийскую, старшую дочь приснопамятного сеньора Карла, герцога Калабрийского, да покоится он с миром!

Помимо этого, он нарекает и объявляет ее высочество принцессу Марию, младшую дочь покойного герцога Калабрийского Карла, своей наследницей в графстве Альба и наших владениях в долине Грати и в Джордано, со всеми замками и прилегающими к ним угодьями, и повелевает, чтобы вышеупомянутая девица получила их в полноправное ленное владение от вышеупомянутой герцогини и ее наследников с одним-единственным условием: если сеньора герцогиня назначит и выплатит своей высокородной сестре или ее правопреемникам десять тысяч унций золота отступных, вышеупомянутые графство и владения останутся собственностью герцогини и ее наследников.

Также он желает и приказывает, имея на то свои тайные причины, чтобы вышеозначенная девица Мария связала себя

¹ Имеется в виду Мессинский маяк. Поскольку с 1284 по 1816 год Сицилия фактически была разделена на два государства, в Средние века они назывались «Сицилия до маяка» (Неаполитанское королевство) и «Сицилия за маяком», где правили арагонцы.

брачными узами с высокочтимым принцем Людовиком, нынешним королем Венгрии. Если же свадьба эта не состоится по причине существования брачного договора, якобы заключенного и подписанного между венгерским королем и дочерью короля Богемии, его величество король повелевает, чтобы высокородная девица Мария вступила в брак со старшим сыном¹ высокочтимого сеньора Иоанна, герцога Нормандского, старшего сына нынешнего короля Франции».

В этом месте Карл, герцог Дураццо, бросил многозначительный взгляд на Марию, однако никто из собравшихся этого не заметил — с таким вниманием все внимали вице-канцлеру. Что же касается юной принцессы, едва услышав свое имя, она смутилась, зарделась и больше не смела поднять глаза. Вице-канцлер стал читать дальше:

«Также он желает и приказывает, чтобы отныне и навечно графства Форкалькье и Прованс оставались частью его королевства, составляя единое неделимое владение с другими его землями, под единым названием, сколько бы ни было сыновей или дочерей и какие бы причины ни вынуждали к разделу, поскольку это объединение продиктовано высшими интересами безопасности и процветания как королевства в целом, так и вышеозначенных графств.

Также он постановляет и приказывает, чтобы в случае, если герцогиня Иоанна — не приведи Господи! — скоропостижно скончается, не оставив законных наследников,

¹ Речь идет о будущем короле Франции Карле V Мудром, старшем сыне Иоанна II Доброго и внуке Филиппа VI.

плоть от плоти своей, сиятельный сеньор Андрей, герцог Калабрийский, ее супруг, получил в свое владение княжество Салерно вместе с титулом, всеми доходами, рентами и всеми правами, и помимо этого — ренту в две тысячи унций золотом на свое содержание.

Помимо этого, согласно его королевской воле, преподобному отцу дону Филиппо ди Кабассоле, епископу Кавайонскому, вице-канцлеру королевства Сицилия, и владельческим сеньорам Филиппу де Сангинетто, сенешалю Прованса, Годфруа де Марсану, графу Сквилачче, адмиралу королевства, и Карлу д'Артуа, графу Эрскому, а более всех прочих — королеве надлежит стать наставниками, регентами и управителями при вышеозначенном сеньоре Андрее и вышеозначенных дамах Иоанне и Марии до достижения сеньором герцогом, сеньорой герцогиней и высокородной девицей Марией двадцатипятилетия, и проч., и проч...»

Когда завещание было прочитано полностью, король привстал на ложе и обвел взглядом свое красивое и многочисленное семейство:

— Дети мои, — сказал он, — вы слышали мою последнюю волю. Я призвал вас всех к своему смертному одру с тем, чтобы вы увидели своими глазами: мирская слава и почести преходящи. Те, кого народ именует сильными мира сего, при жизни влачат тяжкое бремя обязательств, а после смерти держат за свои деяния ответ — вот и все их величие. Я правил тридцать три года, и только Всевышнему, перед кем я вот-вот предстану и кто часто внимал моим вздохам за многие лета этого долгого и утомительного правления, только ему известны помыслы, кои сейчас, перед смертью, надрывают мне

душу. Скоро я упокоюсь в могиле и останусь жить только в памяти тех, кто будет за меня молиться. Но прежде, чем расстаться с вами навсегда, вы, внуки мои, которые мне как дочери, ибо я любил вас и за отца, и за деда, и вы, мои племянники, о ком я заботился по мере сил и к кому питал отеческую нежность, — обещайте мне всегда быть едины душою и намерениями, каковыми я вижу вас в своем сердце! Я пережил ваших отцов — я, самый старейший из всех! — и Господь, без сомнения, распорядился так, дабы вы привыкли жить единой семьей и покоряться одному владыке. Всех вас я любил одинаково, как и подобает отцу, никого не обижал и не превозносил над другими. Своей короной я распорядился, как того требуют законы кровного родства и согласно велениям моей совести. Трон Неаполя принадлежит вам, Иоанна, и вам, Андрей! Всегда помните, что долг супругов — уважать и любить друг друга, и вы поклялись в этом перед алтарем. А вы, мои племянники, и вы, мои бароны и сановники, дайте клятву верности вашим законным государям. Андрей Венгерский, Людовик Тарентский и Карл Дураццо — помните, что вы братья, и горе тому, кто в гнусности своей уподобится Каину! Да падет кровь на голову его и да будет он проклят небом, как я его сейчас проклинаяю, и да пребудет благословение Отца, и Сына, и Святого Духа на всех людях доброй воли, когда милостивый Господь призовет к себе мою душу!

Король замер, воздев руки и обратив очи к небу, и щеки его пылали. Принцы крови, бароны и сановники королевства поспешили поклясться Иоанне и ее супругу в преданности и верности. Когда же настал черед Карла, герцога Дураццо, он с презрительным видом прошел мимо Андрея, чтобы преклонить колено перед принцессой.

— Вам, моя королева, я клянусь служить верой и правдой! — проговорил он звучным голосом, целуя Иоанне руку.

Все в испуге посмотрели на умирающего. Но добрый король уже ничего не слышал. Видя, что он упал на подушки и остался недвижим, донна Санча залилась слезами и скорбно воскликнула:

— Король умер! Помолитесь за душу его.

Однако уже в следующее мгновение племянники и приближенные покойного бросились вон из опочивальни, и все душевные порывы, доселе сдерживаемые присутствием короля, вырвались наружу, словно снесший плотину речной поток.

— Да здравствует Иоанна! — первыми закричали Роберт Кабанский, Людовик Тарентский и Бертран д'Артуа, в то время как разъяренный наставник принца Андрея пробирался через толпу, взывая к членам регентского совета и повторяя на все лады:

— Господа, вы забываете последнюю волю короля! Нужно кричать не только «Да здравствует Иоанна!», но и «Да здравствует Андрей!».

И, подкрепляя увещевания практикой, он в одиночку поднял столько шума, сколько все бароны вместе взятые, громкогласным голосом провозглашая:

— Да здравствует неаполитанский король!

Однако славословие это так никем и не было подхвачено. Карл Дураццо, смерив доминиканца уничижительным взглядом, приблизился к королеве, взял ее за руку и тотчас же отдернул занавесь на балконе, с которого открывался вид на площадь и на весь город. В свете факелов всюду, куда ни глянь, толпились люди. Тысячи глаз были обращены к балкону Кастиль-Нуово. Толпа застыла в ожидании новостей.

И тогда Карл, почтительно отступив в сторону, указал на свою прелестную кухню:

— Жители Неаполя, король умер! — провозгласил он. — Да здравствует королева!

— Да здравствует Иоанна, королева Неаполя! — ответила толпа в едином порыве, и этот громогласный возглас эхом отозвался во всех кварталах города.

События этой ночи, сменявшие друг друга с поразительной быстротой, как во сне, произвели на Иоанну столь глубокое впечатление, что, раздираемая тысячей противоречивых эмоций, она удалилась в свои покои и заперлась в опочивальне, чтобы дать выход своему горю. И пока ее родичи и царедворцы со своими амбициями и притязаниями суетились у гроба неаполитанского монарха, юная королева, отвергнув утешения, которые были ей предложены, горькими слезами оплакивала смерть своего любящего деда, потакавшего едва ли не всем ее капризам. Усопшего с почестями похоронили в церкви Санта Кьяра, посвященной Святому Причастию, им же основанной и благодаря ему украсившейся великолепными фресками Джотто и многочисленными драгоценными реликвиями, в числе которых — стоящие позади главного алтаря две колонны белого мрамора, вывезенные якобы из храма царя Соломона и сохранившиеся доньше. Здесь король Роберт Неаполитанский покоится по сей день, справа от усыпальницы своего сына Карла, герцога Калабрийского, и здесь же мы можем увидеть два его изображения: на одном он представлен в королевском одеянии, на другом — в монашеской сутане. Сразу после похорон наставник принца Андрея спешно собрал представителей венгерской знати, и на этом совете, в присутствии принца и с его согласия, было

решено немедленно отправить письма матери, Елизавете Польской, и родному брату Людовику Венгерскому, в коих изложить все подробности завещания короля Роберта, а еще — пожаловаться в папскую резиденцию в Авиньоне на поведение принцев крови и неаполитанский люд, которые, презрев права ее супруга, провозгласили Иоанну единовластной королевой Неаполя, и испросить позволения понтифика короновать также и Андрея. Поднаторевший в придворных интригах брат Роберт, который вдобавок к чисто монашеской хитрости обладал также и сноровкой ученого, подвел своего подопечного к мысли, что следует воспользоваться унынием, в кое, по всей видимости, повергла Иоанну кончина деда, не дав ее фаворитам времени оплести ее своими соблазнами и советами.

Но чем острее и громкозвучней наша скорбь, тем скорее она сменяется утешением. Так случилось и с Иоанной. Рыдания, грозившие разорвать ей сердце, внезапно смолкли, и новые помыслы, уже не такие мрачные и даже приятные, стали занимать королеву. Слезы высохли, и во влажных глазах ее, словно лучик солнца после грозы, снова стала проблескивать улыбка. Эта перемена, столь желанная и с таким нетерпением ожидаемая, скоро была замечена молоденькой камеристкой Иоанны. Она проскользнула к королеве в опочивальню и, упав на колени, самым вкрадчивым тоном и в самых ласковых выражениях принесла своей прекрасной госпоже первые поздравления. Иоанна распахнула ей свои объятия и долго не отпускала, потому что донна Канция была для нее не просто прислугой, она была подругой детства, хранительницей всех ее секретов, наперсницей, которой королеваверяла свои самые потаенные мысли. Достаточно было взглянуть на

эту девушку, чтобы понять, почему привязанность к ней Иоанны так велика. Улыбчивое, открытое лицо из тех, что внушают доверие и моментально покоряют душу, золотистые светлые волосы, глаза ярчайшей и чистейшей голубизны, лукаво вздернутые уголки рта, точеный подбородок — все это придавало облику донны Канции неотразимое очарование. Бесшабашная, веселая, легкомысленная, живущая только ради удовольствий, слепо следующая своим сердечным порывам, восхитительная в своем остроумии и очаровательная в своем коварстве, в возрасте шестнадцати лет она была красива, как ангел, и порочна, как демон. При дворе все ее обожали, а сама Иоанна относилась к своей камеристке с большей сердечностью, чем к собственной сестре.

— Моя милая Канция, — со вздохом прошептала королева, — как видишь, я несчастна и мне очень грустно.

— Ая, моя прекрасная государыня, как видите, наоборот, очень счастлива, потому что могу, прежде всех других, смиренно поведать вашему величеству, как радуется сейчас народ Неаполя! — отвечала камеристка, взирая на нее с восхищением. — Найдутся те, кто позавидует короне, сияющей на вашем челе, и трону, одному из самых величественных в мире, и приветственным кликам целого города, который, скорее, боготворит свою королеву, а не просто ее почитает; но я, сеньора, я завидую вашим прекрасным черным волосам, сиянию ваших глаз и непередаваемой грации, перед которой не устоит ни один мужчина!

— Нет, моя Канция, тебе стоило бы меня пожалеть и как женщину, и как королеву: когда тебе пятнадцать, корона кажется тяжелой ношей. К тому же я лишена той свободы, какой пользуется низайший из моих подданных, — свободы

Содержание

Предисловие	5
Иоанна Неаполитанская. 1343—1382	9
Семейство Ченчи. 1598	152
Карл Людвиг Занд. 1819	201

Літературно-художнє видання

Серія «Великі сищики і великі шахраї»

ДЮМА Александр
Історія славетних злочинів
Збірка
(російською мовою)

Укладач *Євгенія Рібакова*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *Т. М. Віланова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Альошичева*

Підписано до друку 07.02.2018. Формат 70x100/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 11,61.
Наклад 6000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

Серия «Великие сыщики и великие мошенники»

ДЮМА Александр
История знаменитых преступлений
Сборник

Составитель *Евгения Рыбакова*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*

Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*

Редактор *Т. Н. Виланова*

Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *А. В. Алешичева*

Подписано в печать 07.02.2018. Формат 70х100/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literaturnaya». Усл. печ. л. 11,61.
Тираж 6000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а

E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (Life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Цикл цікавих повістей від улюбленого класика А. Дюма про знаменитих злочинців і найгучніші злочини, від епохи Відродження до XIX століття. Серед злочинців — маршали, герцоги, королі, що увійшли в історію зі своїм кривавим свавіллям і жорстокими розправами. Захопливі розповіді про холоднокровні та цинічні злочини і про тих, хто їх скоїв, забувши про честь і мораль.

Дюма А.

Д96 История знаменитых преступлений : сборник / Александр Дюма ; пер. с фр. Н. Чистюхиной ; сост. Е. Рыбакова ; предисл. А. Климова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 288 с. — (Серия «Великие сыщики и великие мошенники», ISBN 978-617-12-2533-6)

ISBN 978-617-12-4720-8

Цикл інтригуючих повістей прославленого А. Дюма о знаменитих преступниках и самых громких преступлениях, от эпохи Возрождения до XIX века. Среди преступников — маршалы, герцоги, короли, вошедшие в историю со своими кровавыми злодеяниями и жестокими расправами. Увлекательные рассказы о хладнокровных и циничных преступлениях и о тех, кто их совершил, забыв о чести и морали.

УДК 821.133.1